

АНТРОПОЛОГИЯ ДЕМОНИЧЕСКОГО: МАГИЯ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ АЗИИ

УДК: 39+9

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/255-270

Научная статья

© П. Л. Карась

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЛОКАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ СХЕМ

Организация жизненного пространства различных этнических общностей имеет свои особенности, которые в значительной мере обусловлены мифологическими представлениями сообщества. В статье предлагается рассмотреть структуру традиционных поселений и прилежащих к ним освоенных территорий некоторых этнических групп Западной Сибири в совмещении с их мифологической картиной мира. В качестве образца подобной работы была взята визуализированная схема, подготовленная известным теоретиком культурной географии В. Н. Калуцковым на примере поморской деревни. Для построения схем были отобраны сведения с достаточно конкретной этнолокальной и культурной привязкой: ясколбинские (заболотные) татары, аганские ханты и ненцы Ямальской и Гыданской тундры. Апробация подхода показала его хорошие адаптивные возможности в работе с существенно различающимися этнографическими материалами. Такие характерные черты выстраиваемых схем, как ёмкость и наглядность, дают основания предполагать, что их можно будет удобно использовать как для аналитической работы, так и в качестве иллюстративного материала в научной, образовательной и просветительской деятельности.

Ключевые слова: культурный ландшафт, визуальная антропология, ненцы, ханты, сибирские татары, духи-покровители, демонические существа

Ссылка при цитировании: Карась П. Л. Организация пространства и локальная мифологическая картина мира у коренных народов Западной Сибири: опыт построения визуальных схем // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 255–270.

UDC 39+9

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/255-270

Original article

© Polina Karas

SPATIAL ORGANIZATION AND LOCAL MYTHOLOGICAL WORLDVIEW AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES OF WESTERN SIBERIA: AN EXPERIENCE OF VISUAL SCHEMES CONSTRUCTION

The organization of the living space varies between ethnic communities which is partly due to the different mythological systems operating in these communities. The article proposes to consider the structure of traditional settlements and adjacent developed territories of some ethnic groups of Western Siberia in combination with their mythological picture of the world. As an example, the author took a visualized scheme prepared by the famous theorist of cultural geography V. N. Kalutskov using the example of a Pomor village in the North of Russia. To construct the schemes, information with a specific ethnocultural and cultural reference was selected for the following ethnic communities: Yaskolba (Swamp) Tatars, Agan Khanty and Nenets of the Yamal and Gydan tundra. Testing of the approach showed its good adaptability to work with widely varying ethnographic materials. The resulting schemes proved to be both clear and informative, thus promising to be conveniently used both for analytical work and as illustrative material in scientific and educational activities.

Keywords: cultural landscape, visual anthropology, Nenets, Khanty, Siberian Tatars, patron spirits, demonic creatures

Author Info: Karas, Polina L. — Junior Researcher, Institute of Northern Development Problems, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: karas.polin@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3034-5734>

For citation: Karas, P. L. 2025. Spatial Organization and Local Mythological Worldview Among the Indigenous Peoples of Western Siberia: An Experience of Visual Schemes Construction. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 255–270.

Введение

В настоящее время мировая культура переживает бум популярности визуальных данных — период, когда инфографика становится мощным трендом во многих сферах деятельности. Этнографическая наука в свою очередь всегда использовала массу визуальных инструментов для фиксации знаний — полевые зарисовки, фото- и видеосъемка, картографирование и пр. По-прежнему человек получает большую часть информации через зрительный канал, в связи с чем возникает потребность в создании наглядных схем. Поднятая в данной работе тема предполагает отображение мифологической картины мира некоторых народов Западной Сибири в связке с реально существующими зонами их жизненного пространства, маркерами которых становятся различные мифологические существа.

Конструирование жизненного пространства во многом обуславливается его семантическим освоением, отражением которого становится мифология местного сообщества. Тема семантического измерения ландшафта рассматривалась рядом специалистов по культурной географии (Каганский 2001; Лавренова 2010; Исаченко 2001; и др.). Наиболее значимыми для данной работы стали исследования известного теоретика культурной географии В. Н. Калуцкого, который в одной из своих работ предложил схему пространственной организации поселения в контексте локальной мифологической картины его жителей (Рис. 1). Как отмечает автор, одной из характерных черт культурного ландшафта является центрированность — организованность его пространства относительно системообразующего центра, задающая разную плотность пространства (Калуцков 2011: 43). Визуальный материал был представлен автором на примере поморской деревни, где выделенные зоны пространственного освоения отображены в виде расходящихся от центра концентрических кругов (Калуцков 2008: 95–97).

Рис. 1. Центрированная пространственная организация северной деревни и локальная мифологическая картина мира. Составлено автором

В сущности, схема, разработанная В. Н. Калуцковым, отражает в первую очередь центрированную структуру хозяйственной организации и степень освоенности зон, которая уменьшается с отдалением от центра деревни, что одновременно коррелируется с мифологической картиной мира локального сообщества. Немаловажно, что каждой из структурных зон схемы присуща ещё и внутренняя пространственная неоднородность, в силу наличия там неких объектов, населённых сверхъестественными существами. Все они обладают своей символикой и сакральным статусом (включая негативный), что в свою очередь определяет нормы допустимого соседства между собой и с человеком. Кстати, схема задаёт и специфичный перечень сверхъестественных существ — на ней представлены лишь те персонажи, которые имеют более-менее определённую локальную привязку на освоенной людьми территории и с кем они могут «взаимодействовать» в повседневной жизни.

Приведённая схема привлекает своей наглядностью и открывающимися возможностями обработки и анализа этнографо-географических данных. В рамках данного исследования предлагается применить схему В. Н. Калуцкого для отображения про-

странственной организации поселений у тундровых ненцев, хантов и сибирских татар. Выбор этнических общностей не случаен — в список вошли наиболее многочисленные представители коренного населения Западной Сибири, проживающие при этом в разных природно-климатических зонах и существенно отличающиеся по образу жизни и типам хозяйственных комплексов. Это позволит, в частности, шире апробировать функциональные возможности используемого метода и объективнее оценить перспективы его применения в сравнительно-культурных исследованиях. Предлагаемые схемы, как и любые другие, априори предполагают определённую условность и упрощение в отношении реальной картины. Для более объективного представления этнокультурных особенностей принципиальным условием является опора на более цельный этнографический материал. Учитывая существенную культурную специфику территориальных групп сибирских народов и доступный для анализа материал, для построения схем были отобраны сведения с достаточно конкретной этнолокальной и культурной привязкой. Такой подход к тому же даёт возможность насытить схемы ещё большей детализацией, нежели представлена у В. Н. Калуцкого, что позволит отчётливее выявить внутреннюю структуру каждой пространственной модели.

Таким образом, в задачи исследования входит: анализ структуры традиционного жизненного пространства на материалах этнических групп ненцев, хантов и сибирских татар; создание серии наглядных визуализированных схем, отражающих типичную для каждой из общностей пространственную организацию дома и селения в сопряжении с традиционной мифологической картиной мира; первичный анализ информационного потенциала полученных схем в качестве инструмента географо-этнографических исследований.

В качестве источников исследования были использованы опубликованные этнографические данные, а также записи и фотографии из полевых материалов Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, собранных в 2007–2022 гг. на территории ЯНАО, ХМАО и юга Тюменской области.

Сибирские татары

Из рассматриваемых вариантов пространственной организации поселений ближе всех к представленной В. Н. Калуцковым схеме поморской деревни выглядит селение сибирских татар. Поэтому начнём своё описание именно с него. Построение схемы будет основываться на материалах этнографии ясколбинской группы сибирских татар, населяющих территорию большого болотистого края к западу и северо-западу от Тобольска, с чем связано второе название этой общности — «заболотные» татары (Валеев, Томилов 2006: 29). Выбор группы обусловлен тем, что ввиду проживания в труднодоступных местах ей свойственна выраженная самобытность и высокая степень сохранности архаичных элементов культуры (Бакиева 2023: 39). У ясколбинских татар сложился интегрированный хозяйственно-культурный тип, в котором активное занятие рыболовством и охотой сочетается со скотоводством и земледелием (Валеев, Томилов 2006: 48). Религиозные представления сибирских татар представляют синкретизм ислама и доисламских верований. Традиционная мифологическая система включает три категории сверхъестественных существ: духов-хозяев пространств (*ийэ*), демонов-джиннов (*чин/чен, пәре*) и призраков (*аурах, йән сахлауцылар, улем цып-цых*) (Бакиева 2023: 39).

Структура жизненного пространства сибирских татар представлена 4 зонами — жилище, двор (в прошлом — 40 шагов от дома), деревня и территория хозяйственного освоения (Рис. 2) (Ярзуткина 2015: 483). Жилище — *уй*, выступает в качестве наиболее освоенной зоны, главным обитателем, которой наравне с человеком выступает домовый — *уй ийэ* (Корусенко 2007: 495–496). Он помогает нянчить детей, вовремя будит и предупреждает об опасности, защищает от злых духов. При переезде семьи из дома *уй ийэ*, как истинный дух-хозяин остаётся на своём прежнем месте, поэтому новые жители всегда должны попросить у него разрешение на въезд (Корусенко, Диянова 2011: 190). Дополнительной защитой от проникновения в дом шайтанов, джиннов и призраков служит порог и различные обереги, например, молитвы и изречения из Корана помещённые в рамки, веточки можжевельника и пр. (Корусенко, Диянова 2011: 189–190; Тихомирова 2006: 117–118).

За пределами жилища даже, казалось бы, освоенная территория двора уже воспринимается, как «чужое» пространство. Двор наполнен различными хозяйственными постройками, которые имеют своих духов-хозяев или могут быть местом жительства демонических существ. Одним из относительно нейтральных жителей двора является *мал ийэ* — двора/скота хозяин, покровитель мужчин и домашнего скота, чей образ сближается с *уй ийэ*. Он может как ухаживать за особо любимыми животными, так и наоборот «изводить» тех, кто ему не нравится. Среди нечистой силы на территории двора проживают в бане — *мунца пэре*, в хлеву — *кура пэре*, в туалете — *эцэтлех пэре*, в мусорной яме — *цуплех паиш пэре* (Бакиева 2023: 39). *Мунца ийэ/мунца пэре* — дух бани воспринимается, как враждебно настроенное к человеку существо, аналогично духу мусорной ямы и туалета. Среди татар распространены представления, что *мунца пэре*, в отличие от *уй ийэ* и *мал ийэ*, не оказывает покровительства людям, а наоборот, всегда вредит, если они не соблюдают установленные им правила (Корусенко, Диянова 2011: 192–193; Бакиева 2022: 304). Границей между двором и деревней были ворота, которая так же, как и граница порог дома, дополнительно укреплялась от злых духов различными оберегами, например, железными иголками или гвоздями.

Территория населенного пункта в татарской традиции находится в относительном балансе. Души умерших родственников — *рух* посещают населённый пункт только в отведённые под это поминальные дни (Матвеев 2015: 480), а злой дух-оборотень — *убыр*, представляющий в образе человека в белом одеянии, гуляет по пустынным улицам деревни только в ночное время (Корусенко, Мерзликкин 2005: 148). Считается, что *убыром* становятся души умерших колдунов. Беспрепятственно в любое время суток могли проникать на территорию населенного пункта только *шайтаны*.

На границе населённого пункта могли находиться такие объекты, как дороги, рощи и водоёмы. Здесь и дальше вглубь от границы встречаются множественные мифологические персонажи. У каждой лесной избушки есть свой хозяин — *ийэ*, в водоёмах — *сыу ийэ* и *кул ийе*, в лесу — *урман ийэ* (Бакиева 2023: 49). У священных сопков также есть свой хозяин — *сеныр*, который может предстать перед человеком в виде животного или птицы (Корусенко и др. 2013: 46). Умилостивление этих хозяев, по мнению населения, позволяло совершать хозяйственную деятельность. Считается необходимым совершить следующие ритуалы — поздороваться, попросить разрешения на посещение, прочитать молитву, оставить подношение. В таком случае дух не навредит, а напротив, может даже помочь человеку (Бакиева 2021: 104). Общим для всех групп сибирских татар является образ женского злого духа-хозяйки воды —

су анасы/су ана (мать воды) (Ярзуткина 2012: 76). Представления о её характере неоднородны. Человека, который непочтительно к ней относится и не приносит подарков, может утопить, а может и спасти утопающего. Для удачного промысла с лодки следует кинуть в воду монету, чтобы задобрить духа, так как су анасы злится, когда ее тревожат (Корусенко, Диянова 2012: 85–86). Также в лесу за деревенским кладбищем могут обитать существа — пицин, обладающие демоническими свойствами (Бакиева 2022: 305). По одним источникам они ассоциируются с образом ведьмы, по другим воспринимаются, как некий народ, живший когда-то по соседству с татарами (Корусенко и др. 2013: 57).

Некоторые существа являются внепространственными, т.е. могут появляться где угодно — как в поселениях, так и за их пределами. К ним относятся — сөрхөбэт, койон йел, ұскынцылар, атсыс и др (Бакиева 2023: 39). Одним из противоречивых образов данной категории является мэцкэй — упырь, оживший мертвец. По некоторым данным мэцкэй ассоциируется с образом убыра (Валеев 1976: 326; Корусенко и др. 2013: 65) по другим — является самостоятельным кровососущим существом женского пола, описываемый как пылающий шар. Считается, что мэцкэй может вселиться в тело живого человека (Ярзуткина 2015: 487).

Все зоны мифологического пространства сибирских татар являются весьма уязвимыми в отношении воздействий со стороны демонических существ и нуждаются в создании дополнительных барьеров в виде оберегов и выполнении определённых обрядов. Модель жизненного пространства татар состоит из четырех, последовательно сменяющих друг друга зон: дом, двор, территория населенного пункта, территория хозяйственного освоения. «Свое» пространство здесь переходит в «чужое» поэтапно по мере удаления от сакрального центра.

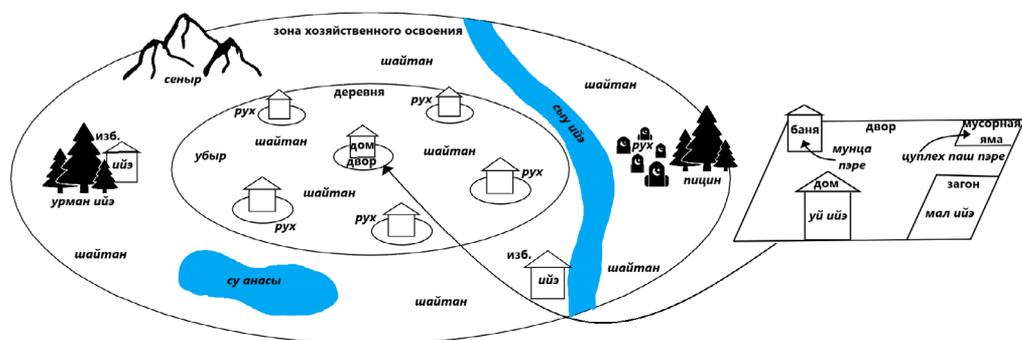

Рис. 2. Центрированная организация жизненного пространства заболотных татар и локальная мифологическая картина мира. Составлено автором

Восточные ханты

В ходе обработки материалов для построения схемы выбор пал на аганскую группу восточных хантов, что обусловлено обилием материалов по заданной тематике. Аганские ханты относятся к группе таёжных промысловиков с транспортным оленеводством. Основными занятиями жителей среднего течения реки являются в рав-

ной степени рыболовство и охота. Для оленеводства характерно наличие небольших стад, вольный выпас в осенне-зимний период. В среднем на одну семью в конце прошлого века у аганцев приходилось около 10 оленей (Мартынова 1998: 183–185).

Жизненное пространство хантов также имеет определённую специфику. Так в силу сложившегося культурно-хозяйственного типа выделяется до четырех сезонных ареалов проживания. Для упрощения схемы будем ориентироваться на два основных — летний и зимний. Зимние поселения чаще организуются в лесу, вокруг которого концентрируются охотничьи угодья, куда на непродолжительный период уходит часть жителей поселения (мужчины) на промысел. Летние поселения располагаются на берегах крупных рек, где ведётся рыболовная деятельность (Сподина 1995: 146). Обычно эти сезонные поселения располагаются на небольшом удалении друг от друга, на расстоянии от нескольких сот метров до нескольких километров (Головнёв 1995: 261). Таким образом, у хантов выделяются два относительно самостоятельных сезонных хозяйственных ареала, формирующих специфичную двух-частную схему в виде восьмёрки.

Жилище имеет определённую внутреннюю стратификацию, разделяя жилище вертикально и горизонтально на три мира — Верхний, Средний и Нижний. При рассмотрении горизонтальной стратификации дальняя от входа часть жилища, ассоциируемая с Верхним миром, считалась сакральной. Обычно на полке у этой стены хранятся изображения домашних духов (лунг), головы медведей и другие сакральные предметы. Порог и привходовая часть жилища воспринимаются, как «нечистое» место, ассоциируемое с Нижним миром. Пол жилища также воспринимается как потенциальное место входа для нечисти. По этой причине в начале строительства дома в землю закапывают котлы — *кау нут*, которые воспринимаются как жертва *Мый ими* ‘Земля-старуха’, впоследствии оберегающая семью от болезней. Считается, что эти котлы пе-

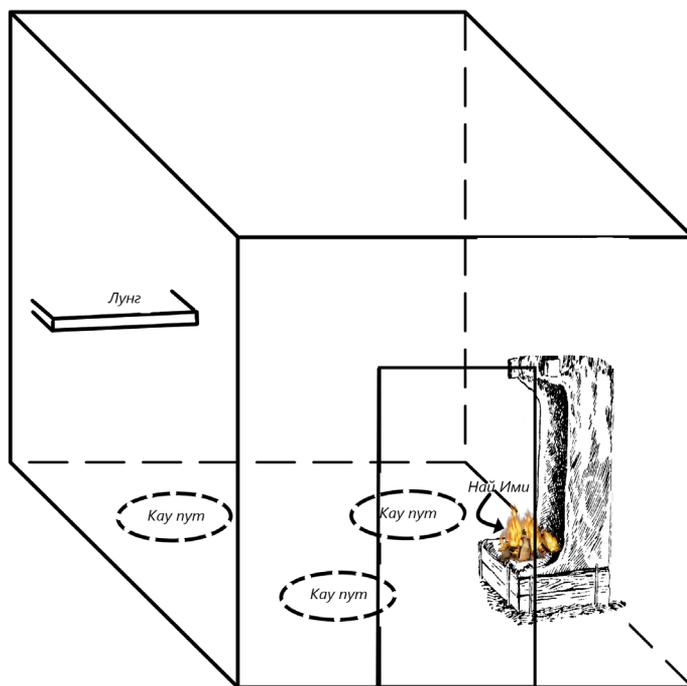

Рис. 3. Пространство хантыйского жилища. Составлено автором

рекрывают путь болезням из Нижнего мира (*Мартынова 1998: 194*). В средней части жилища располагается печь-чувал, очаг которой также обладает сакральным значением, традиционно ассоциируясь с женским божеством — *Най-ими* ‘Огонь-женщина’ (*Кулемзин 1984: 56*). Домашний огонь выполняет функции домашнего покровителя — предупреждает об опасности, о прибытии гостей, перемене погоды, а также защищает от злых духов и болезней, обеспечивая благополучие в доме (*Рис. 3*).

За пределами сезонных стойбищ формируются хозяйственные ареалы, внутри которых не наблюдается более дробного деления на зоны, это пространство представляется наиболее целостным (*Рис. 4*). Территория хозяйственного освоения населена духами предков и родовыми духами покровителями, непersonифицированными духами-хозяевами ландшафтов (в лесу — *вонт лунг*, в водоемах — *йенк/инк лунг*) и различными духами, обладающими демоническими свойствами. Из хозяйственной деятельности исключаются отдельно взятые ландшафты или конкретные объекты, ассоциируемые с опасными для человека существами. Часто такие объекты обладают некоторыми нестандартными характерами или просто выделяются из окружающего ландшафта. Так, например, в заброшенных населённых пунктах не останавливаются ночевать т. к. там встречаются *йэлэк-канлэх отэт* т. н. «маячки». Под крутыми обрывами речного берега, в тёмных озёрах и омутах на реках обитают чудовища — *вэс* и *кулэт*. Традиционно они имеют облик шуки гигантских размеров. Нарушение этических установок на водоёме, где живёт «водяной» грозило наказанием, он мог вызвать волновые явления на озере или опрокинуть лодку (*Первалова, Карачаров 2006: 226*). Кроме водяных широкое распространение имеют образы великанов *менк* и ведьмы — *порнэ* (*Первалова, Карачаров 2006: 232*). Чаше эти персонажи встречаются в лесных массивах на болоте, лесах на возвышенностях, в местах выхода на поверхность горных пород и т. д. Отметим, что места погребений, как правило, не входят в перечень мест пребывания «чертей», а являются нейтральными местами.

Для таёжных промысловиков лес в целом не воспринимается, как чужое пространство. Потенциальную опасность несут аномальные объекты т. к. воспринимаются как места пребывания потусторонних существ. В силу этой особенности у хантов формируется уникальная двухчастная структура имеющая вид восьмёрки.

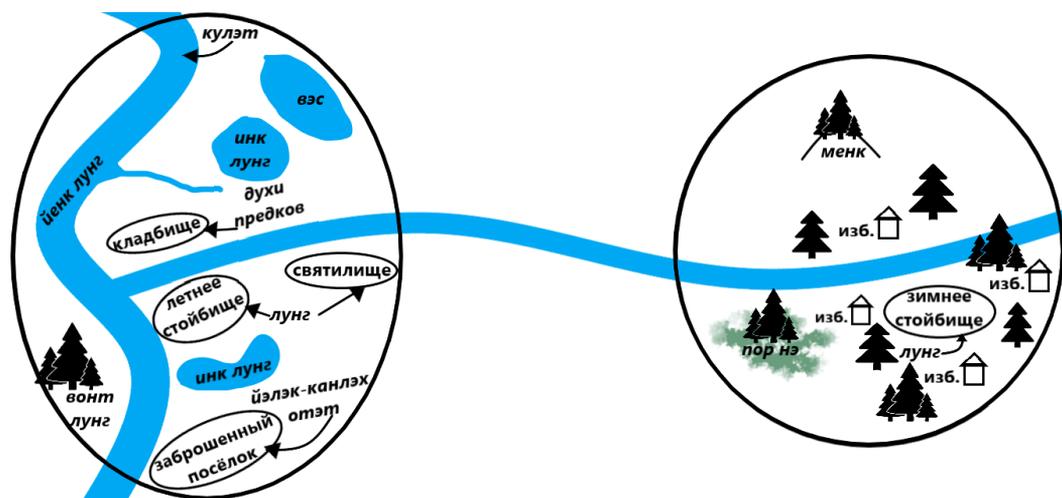

Рис. 4. Схема организации жизненного пространства хантов. Составлено автором

При этом внутри хозяйственных ареалов не наблюдается дифференциации на зоны, пространство характеризуется цельностью и неразрывностью.

Тундровые ненцы

В случае с ненцами различия в мифологических представлениях у разных локальных групп не так значительны, поэтому схема построена на основе территориально более широких материалов по тундровым оленеводам Ямальской и Гыданской тундры, чьим основным видом хозяйственной деятельности является крупностадное кочевое оленеводство. Ненецкая кочевая культура формирует очаги освоения, которые используются кратковременно и с определённой периодичностью, что делает схему динамичной, постоянно перемещающейся в пространстве вместе с человеком.

Ядром жизненного пространства ненцев-оленеводов является жилище — чум (Рис. 5), который населён родовыми и семейными духами-покровителями. Все жители чума занимают чётко отведённые им места. Хозяйка огня — *Ту'хада* имеет телесное воплощение в виде пламени очага. Семейных духов-покровителей — *мяд'хэхэ* располагают в священной части чума напротив входа, рядом со священным шестом *сымзы* (Хомич 1977: 21). Особое место среди *мяд'хэхэ* занимает *мяд'пухуча* — покровительница женщин, хозяйка чума, помогающая при родах и оберегающая новорожденных (Лар 1998: 17), её местом внутри жилища является изголовье постели на женской половине. Магический инструментарий *нгытарма* значительно меньше, чем у *хэхэ*, в связи с чем они не возводятся в ранг духов-покровителей (Головнёв 1985: 47) и могут находиться в любой части чума, кроме углов у входа, однако обычно локализуются в изголовьях постелей, в зависимости от собственной половой принадлежности — в мужской или женской части.

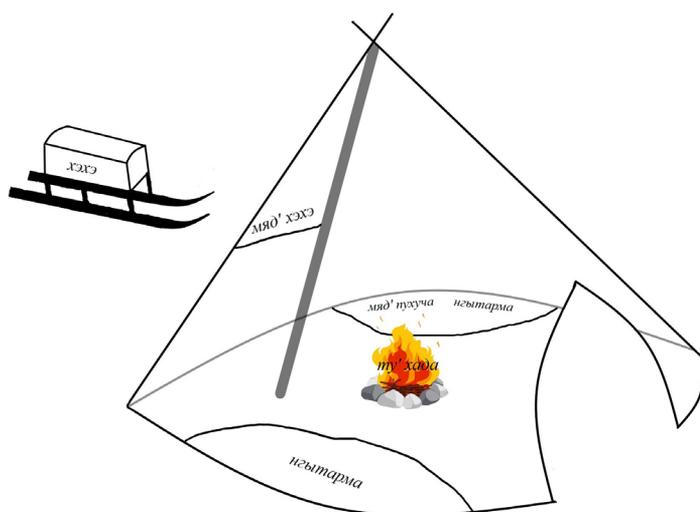

Рис. 5. Пространство чума. Составлено автором

Вторая зона — пространство стойбища. Снаружи чума, на стороне противоположной входу, в священной нарте *хэхэ-хан* также хранятся различные предметы, обладающие сакральным статусом, в том числе изображения родовых духов и богов, а также родового духа хозяина нарты и семейные вещи. Если в роду был шаман, то его изображение *нгытарма* хранят на маленькой нарточке (*нгытарма ханоко*), находящейся в *хэхэ-хан* (Головнёв и др. 2016: 90). Многочисленные защитники человека в его жилом пространстве оберегают, в частности, от *нгылеко* — мелких злых духов, которые могут являть себя на территории стойбища в виде волков, болезней и других невзгод.

Прилегающее к стойбищу пространство (Рис. 6) обычно содержит важные природные ландшафты хозяйственного пользования, представленные водоёмами и ареалами древесно-кустарниковой растительности, в которых обитают свои духи-хозяева: *я'ерв* — 'хозяин земли', *нэ'ерв* — 'хозяин гор', *яв'ерв* — 'хозяин моря', *ид'ерв* — 'хозяин воды', *яха'ерв* — 'хозяин реки', *то'ерв* — 'хозяин озера', *пэдара'ерв* — 'хозяин леса' и др. (Лар 1998: 8; Хомич 1977: 11). Изъятие из этих ландшафтов необходимых человеку ресурсов определяется некоторыми правилами, предполагающими проявление уважения и совершение подношений духам-хозяевам. Обычно такие объекты при соблюдении правил коммуникации с духами не представляют опасности для человека и регулярно посещаются.

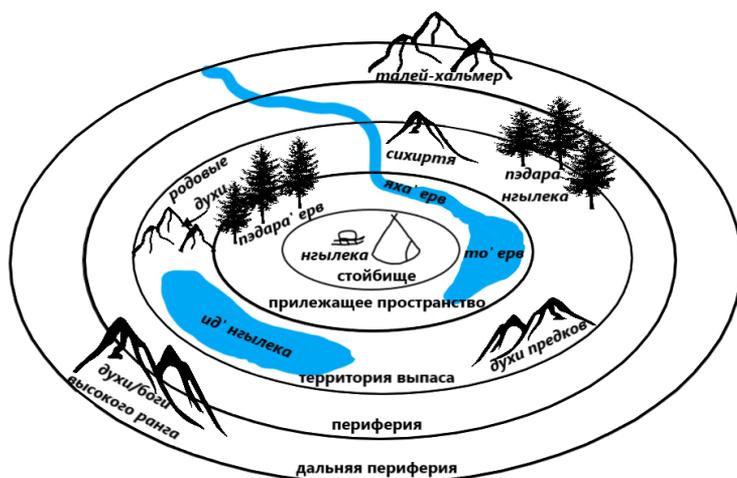

Рис. 6. Центрированная организация ненецкого пространства и локальная мифологическая картина мира. Составлено автором

Следующей зоной являются территории выпаса, где могут также встречаться места, которые не считаются критически опасными для человека, но при выборе места для стойбища слишком близкого соседства с ними избегают. Такими объектами являются кладбища, священные места невысокого ранга, сопки маленьких существ — *сихиртя* и некоторые урочища, населённые духами-*нгылеко*. В ненецкой традиции кладбища предков воспринимаются, как относительно безопасные точки, разбросанные по тундре, где в экстренной ситуации можно заночевать и попросить у предка подсказать дорогу, если заблудился. Среди священных мест невысокого ранга на

территории выпаса встречаются святилища тех родов, которые ведут здесь свою хозяйственную деятельность. Кроме этого могут встречаться сопки, населённые подземными маленькими человечками *сихиртя*, которые не представляют угрозы для человека, а найти подарок от них считается удачей. Нередкими спутниками *сихиртя* становятся *я'хора* — 'земляные быки' (мамонты). Наиболее опасными местами на территории выпаса являются ландшафты, населённые чертями *нгылеко*. *Ид'нгылека* — водяной дух, представляющий для человека опасность, обычно обитает в глубоких водоёмах, которые посещаются в промысловых целях только в крайних случаях, при предварительном совершении жертвоприношения. *Пэдара-ңгылеко* — злой по своей природе лесной дух, который любит пошутить над человеком, но может и помочь заблудившемуся, если тот принесет ему жертву (Лар 2003: 98).

Освоенное человеком пространство отделяется от особо опасных мест периферийной территорией, которая выполняет функцию буфера. На таких территориях в силу удалённости от стойбища и пограничности с опасными объектами, уже крайне редко осуществляется хозяйственная деятельность. Наиболее опасными местами у ненцев считаются заброшенные кладбища, в широком смысле — захоронения чужих/незнакомых людей. Подобных мест следует настоятельно избегать, так как там встречаются неупокоенные души умерших, т. н. *талей-хальмер*, способные похитить душу живого человека. Помимо упомянутых мест также следует избегать заброшенных священных мест и святилищ высокого ранга, т. к. поведение духов-хозяев этих мест может быть непредсказуемым и опасным для человека.

Отдельно выделяется категория «блуждающих» существ, которые не вписываются в границы отдельно взятых зон. Среди них — *нгаятар* — страж Нижнего мира, появляющийся, в том числе, в мире людей. (Головнёв 2004: 241). Ещё один противоречивый персонаж — *парнэ*, в доступных источниках это существо имеет разные характеристики и локализацию. По одним данным — это дух, живущий в лесу под пнём (Лехтисало 1998: 38), по другим — он ассоциируется с образом ведьмы, которая может свободно перемещаться в пространстве, в том числе, приходить на стойбище (Головнёв 2004: 248). Третья категория «блуждающих» существ — *няд-нга-ворта* ('мохоеды'), которые являются некими «иными» людьми, как и *сихиртя*. Их локализация носит ситуативный характер и довольно часто выносится за пределы освоенного пространства вообще.

Выводы

В результате проведённой работы на основе предложенного В. Н. Калущковым исследовательского подхода были разработаны схемы пространственной организации поселений заболотных татар, аганских хантов и тундровых ненцев, составленные в контексте локальной мифологической картины этих этнических групп. Уже на первом этапе сравнительно-культурного анализа можно указать некоторые общие и уникальные черты в организации пространственной модели указанных групп. Важно, что каждая модель отразила определённую специфику, обусловленную образом жизни населения, культурно-хозяйственным типом, географическими факторами и пр. Однако начнём с универсалий.

Универсалии. Речь идёт, прежде всего, об общих структурных элементах схемы. Центром жизненного пространства всех групп, разумеется, является жилище, с удале-

нием от которого нарастает необходимость соблюдать определённые правила коммуникации с потусторонними существами для обеспечения благосклонности с их стороны. В крайних случаях наиболее опасные для человека места избегаются. Следующей от ядра зоной будет территория двора или стойбища, которая, как и жилище, наполнена большим количеством оберегов и защитников, одним из которых является собака. Ещё одной общей зоной для всех трёх групп выступает территория хозяйственного освоения, однако её характеристики уже имеют значительные отличия.

Особенности. У заболотных татар и аганских хантов данная территория характеризуется определённой целостностью, т. к. обе группы занимаются таёжными промыслами. Из хозяйственного пользования исключаются скорее отдельные объекты, ассоциируемые с враждебно настроенными к человеку существами. В ненецкой традиции территория хозяйственного освоения подразделяется на две субзоны, которые условно можно назвать «женской» — территория, прилегающая к стойбищу и «мужской» — территория выпаса. Притом территория выпаса, как более удалённая от стойбища, воспринимается, как более опасная. В свою очередь у татар между двором и территорией хозяйственного освоения выделяется промежуточная зона в виде территории деревни, которая характеризуется как нейтральная, что сближает её по своим характеристикам с «женской» частью освоенного пространства в ненецкой традиции. Говоря о более общих отличиях, следует отметить, что ненецкая и хантыйская схема обладают выраженной динамичностью в силу кочевого и полукочевого образа жизни (в сопоставлении с упомянутой схемой В. Н. Калущкого и нашей схемой по татарскому материалу). Схема жизненного пространства хантов имеет оригинальный двухчастный вид («восьмёрка»), что в свою очередь обусловлено особенностями в организации хозяйственной деятельности.

Практическая значимость и перспективы применения визуальных схем. Создание представленных визуальных схем представляет научный интерес уже само по себе — как особая форма построения и подачи материалов по структуре традиционного жизненного пространства в отношении различных этнических общностей. Такие характерные черты выстраиваемых схем, как ёмкость и наглядность, дают основания предполагать, что их можно будет удобно использовать как для аналитической работы, так и в качестве иллюстративного материала в научной, образовательной и просветительской деятельности.

Как уже указывалось, апробированный подход показал свою гибкость в отношении презентации разных этнических групп с существенно различающейся культурой и образом жизни. Повышение эффективности в использовании предложенной Калущковым схемы на этнографических материалах предполагает в первую очередь большую детализацию и этнолокальную конкретику, что в дальнейшем позволит облегчить анализ мифологического пространства при приложении данной методики, например, к разным территориальным группам одной этнической общности или к соседствующим общностям, принадлежащим к разным народам. Перспективным направлением исследований выглядит и выход на более частный уровень — конкретного поселения или даже отдельно взятой семьи. Также кажется интересным с научной точки зрения применить его для анализа разных режимов функционирования мифологического пространства в зависимости от сезона года или времени суток (день — ночь). Для дальнейшей разработки данного методологического подхода представляется необходимым целенаправленный сбор данных по обозначенной тематике.

Научная литература

- Бакиева Г. Т. Демонические существа у заболотных татар (по материалам полевых исследований) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 303–308.
- Бакиева Г. Т. Сакральные места в традиционной культуре заболотных татар // Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии. Уфа: Самрау, 2021. С. 99–104.
- Бакиева Г. Т. Легенды, предания, мифы Заболотья. Исследования и тексты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. 152 с.
- Валеев Ф. Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начала XX в.). Л.: Наука Л.о., 1976. С. 320–331.
- Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Сибирские татары // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. С. 26–124.
- Голови́н А. В. О культе нгытарма и сидрянг у ненцев // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тезисы докладов. Томск, 1985. С. 45–48.
- Голови́н А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.
- Голови́н А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. 344 с.
- Голови́н А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 152 с.
- Исаченко А. Г. Образное восприятие в географическом познании мира // Известия РГО. 2001. Т. 133. Вып. 3. С. 24–33.
- Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии: монография. М.: «Новый хронограф», 2008. 320 с.
- Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение: учебное пособие. М.: Географический факультет МГУ, 2011. 109 с.
- Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения): Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. Т. V. 264 с.
- Корусенко М. А. Люди и духи в жилище сибирских татар // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 495–497.
- Корусенко М. А., Диянова А. М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX — начале XXI в.: представление о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 186–195. http://www.ipdn.ru/_private/a15/186-195.pdf
- Корусенко М. А., Диянова А. М. Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX — начале XXI в.: представления о духах-хозяевах «чужих» пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1. С. 83–91. http://www.ipdn.ru/_private/a16/83-91.pdf
- Корусенко М. А., Мерзликлин В. В. Мэцкэй, убыр, оцкур в мифологических представлениях сибирских татар (опыт анализа образов) // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. / Отв. ред. М. Л. Бережнова, Н. А. Томилов. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005. С. 144–159.
- Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 192 с.
- Лавренова О. А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.

- Лар Л. А. Культурные памятники Ямала. Хэбидя я. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2003. 173 с.
- Лар Л. А. Шаманы и Боги: монография. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 1998. 39 с.
- Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1998. 136 с.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Наука, 1998. 235 с.
- Матвеев А. В. Горизонтальная структура мифологического пространства // История и культура татар Западной Сибири / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Артефакт, 2015. С. 478–483.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
- Сподина В. И. Методическое пособие по этнографии коренных народов Западной Сибири (Ханты). Мегион: [б. и.], 1995. 176 с.
- Тихомирова М. Н. Береги в традиционно-бытовой культуре заболотных татар (по полевым материалам) // Сулеймановские чтения — 2006: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 117–118.
- Хомич Л. В. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера: (2-я половина XIX — начало XX в.). (Сборник МАЭ; Т. 33). Ленинград: Наука, 1977. С. 5–28.
- Ярзуткина А. А. Мифологические представления и реликты доисламских верований // История и культура татар Западной Сибири / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Артефакт, 2015. С. 483–493.
- Ярзуткина А. А. Ритуалы достатка: Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. 320 с.

References

- Bakieva, G. T. 2021. Sakral'nye mesta v traditsionnoi kul'ture zabolotnykh tatar [Sacred Places in the Traditional Culture of the Swamp Tatars]. In *Bashkiry v kontekste mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy tiurkskikh narodov Evrazii* [Bashkirs in the Context of Interdisciplinary Studies of the Turkic Peoples of Eurasia], ed. by Yu. M. Yusupov. Ufa: Samrau. 99–104.
- Bakieva, G. T. 2022. Demonicheskie sushchestva u zabolotnykh tatar (po materialam polevykh issledovaniy) [Demonic Creatures Among the Swamp Tatars (Based on Field Research)]. In *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremen do nashikh dnei* [Peoples of Siberia and the Far East from Ancient Times to the Present Day], ed. by N. I. Drozdov. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet. 303–308.
- Bakieva, G. T. 2023. *Legendy, predaniia, mify Zabolot'ia. Issledovaniia i teksty* [Legends, Traditions, Myths of Zabolotyie. Research and Texts]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 152 p.
- Golovnev A. V., N. P. Garin, and D. A. Kukanov. 2016. *Olenevody Yamala (materialy k Atlasu kochevykh tekhnologii)* [Reindeer Herders of Yamal (Materials for the Atlas of Nomadic Technologies)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN. 152 p.
- Golovnev, A. V. 1995. O kul'te ngytarma i sidryang u nentsev [On the Cult of Ngytarma and Sidryang Among the Nenets]. In *Mirovozzreniye narodov Zapadnoy Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym* [Worldview of the Peoples of Western Siberia Based on Archaeological and Ethnographic Data: Abstracts of Reports], ed. by E. L. L'vova. Tomsk. 45–48.
- Golovnev, A. V. 1995. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN. 600 p.
- Golovnev, A. V. 2004. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra Nomads: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrO RAN. 344 p.
- Isachenko, A. G. 2001. Obraznoe vospriiatiye v geograficheskom poznanii mira [Imaginative Perception in Geographical Knowledge of the World]. *Izvestiia Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva* 3. 133: 24–33.

- Kaganskii, V. L. 2001. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitayemoe prostranstvo: sbornik statei* [Cultural Landscape and Soviet Inhabited Space: Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.
- Kalutskov, V. N. 2011. *Etnokul'turnoe landshaftovedenie: uchebnoe posobie* [Ethnocultural Landscape Studies: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo geograficheskii fakul'tet MGU. 109 p.
- Kalutskov, V. N. 2008. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi khronograf. 320 p.
- Khomich, L. V. 1977. Religioznye kul'ty u nentsev [Religious Cults among the Nenets]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Vol. 33. *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 33. Cultural Monuments of the Peoples of Siberia and the North], ed. by I. S. Vdovin. 5–28.
- Korusenko, M. A., Yu. I. Ozheredov, and A. A. Yarzutkina. 2013. *Mifologiya sibirskikh tatar v simvolakh obrazov i veshchey (opyty prochteniya)* [Mythology of the Siberian Tatars in the Symbols of Images and Things (Reading Experiences)]. Vol. V. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 264 p.
- Korusenko, M. A. 2007. Liudi i dukhi v zhilishche sibirskikh tatar [People and Spirits in the Dwelling of the Siberian Tatars]. In *Etnoistoriya i arheologiya Severnoi Evrazii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya* [Ethnohistory and Archeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Research Practice], ed. by A. V. Kharinskii. Irkutsk: IrGTU. 495–497.
- Korusenko, M. A., and A. M. Diianova. 2011. Traditsionnoe mirovozzrenie barabinskikh tatar vo vtoroi treti XX — nachale XXI veka: predstavlenie o dukhakh-khoziaevakh osvoennykh prostranstv [Traditional Worldview of the Baraba Tatars in the Second Third of the 20th — Early 21st Centuries: The Idea of the Master Spirits of the Developed Territories]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* 2: 186–195. https://www.ipdn.ru/_private/a15/186-195.pdf
- Korusenko, M. A., and A. M. Diianova. 2012. Traditsionnoe mirovozzrenie barabinskikh tatar vo vtoroi treti XX — nachale XXI veka: predstavleniya o dukhakh-khoziaevakh «chuzhikh» prostranstv [The Traditional Worldview of the Baraba Tatars in the Second Third of the 20th and Early 21st Centuries: Ideas About the Master Spirits of “Alien” Spaces]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* 1: 83–91. https://www.ipdn.ru/_private/a16/83-91.pdf
- Korusenko, M. A., and V. V. Merzlikin. 2005. Metskei, ubyr, otskur v mifologicheskikh predstavleniyakh sibirskikh tatar (opyt analiza obrazov) [Metskei, Ubyr, Otskur in the Mythological Representations of the Siberian Tatars (Experience of Image Analysis)]. In *Narody i kul'tury Sibiri: izuchenie, muzeifikatsiya, prepodavanie* [Peoples and Cultures of Siberia: Study, Museumification, Teaching], ed. by M. L. Berezhnova, N. A. Tomilov. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo universiteta. 144–159.
- Kulemzin, V. M. 1984. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in the Beliefs of the Khanty]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 192 p.
- Lar, L. A. 1998. *Shamany i Bogi* [Shamans and Gods]. Tyumen: Izdatel'stvo Instituta problem osvoyeniya Severa SO RAN. 39 p.
- Lar, L. A. 2003. *Kul'tovyye pamiatniki Yamala. Khebidia ya* [Cult Objects of Yamal. Hebidya Ia]. Tyumen: Izdatel'stvo Instituta problem osvoyeniya Severa SO RAN. 173 p.
- Lavrenova, O. A. 2010. *Prostranstva i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of Cultural Landscape]. Moscow: Institut Naslediya. 330 p.
- Lehtisalo, T. 1998. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 136 p.
- Martynova, E. P. 1998. *Ocherki istorii i kul'tury Khantov* [Essays on the History and Culture of the Khanty]. Moscow: Nauka. 235 p.
- Matveev, A. V. 2015. Gorizontal'naya struktura mifologicheskogo prostranstva [Horizontal Structure of Mythological Space]. In *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Tatars of Western Siberia], ed. by G. F. Gabdrakhmanova. Kazan: Artifakt. 478–483.

- Perevalova, E. V., and K. G. Karacharov. 2006. *Reka Agan i ee obitateli* [The Agan River and Its Inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; Studiya «GRAFO». 352 p.
- Spodina, V. I. 1995. *Metodicheskoe posobie po etnografii korennykh narodov Zapadnoi Sibiri (Khanty)* [Methodological Manual on the Ethnography of the Indigenous Peoples of Western Siberia (Khanty)]. Megion. 176 p.
- Tikhomirova, M. N. 2006. Oberegi v traditsionno-bytovoi kul'ture zabolotnykh tatar (po polevym materialam) [Amulets in the Traditional Everyday Culture of the Swamp Tatars (Based on Field Materials)]. In *Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference]. Tyumen. 117–118.
- Valeev, F. T. 1976. O religioznykh predstavleniiakh zapadnosibirskikh tatar [On the Religious Ideas of the West Siberian Tatars]. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and Man in the Religious Beliefs of the Peoples of Siberia and the North], ed. by I. S. Vdovin. Leningrad: Nauka. 320–331.
- Valeev, F. T., and N. A. Tomilov. 2006. Sibirskie tatory [Siberian Tatars]. In *Tiurkskie narody Sibiri* [Turkic Peoples of Siberia], ed. by D. A. Funk, N. A. Tomilov. Moscow: Nauka. 26–124.
- Yarzutkina, A. A. 2012. *Ritualy dostatka: Traditsionnye zemledel'cheskie, skotovodcheskie i promyslovye kul'ty sibirskikh tatar* [Rituals of Prosperity: Traditional Agricultural, Cattle Breeding and Fishing Cults of the Siberian Tatars]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 320 p.
- Yarzutkina, A. A. 2015. Mifologicheskie predstavleniia i relikty doislamskikh verovanii [Mythological Representations and Relics of Pre-Islamic Beliefs]. In *Istoriia i kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri* [History and Culture of the Tatars of Western Siberia], ed. by G. F. Gabdrakhmanova. Kazan: Artifakt. 483–493.